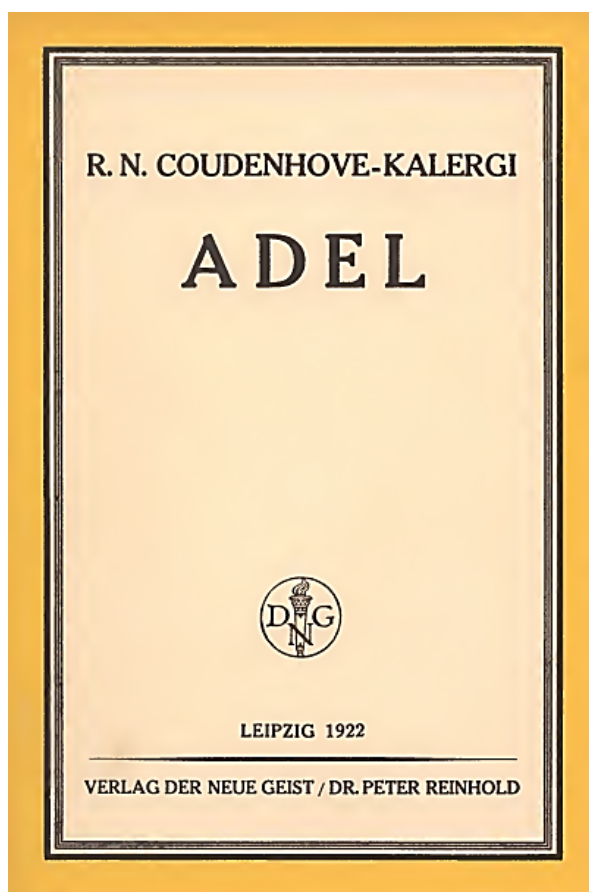

Рихард Николаус Куденхове-Калерги

АРИСТОКРАТИЯ

Издательство доктора Петера Райнхольда «Новый дух», Лейпциг, 1922

Оригинал: Richard Nikolaus Coudenhove-Kalergi, Adel.

Verlag Der Neue Geist/Dr. Peter Reinhold, Leipzig, 1922

(От переводчика: Общепринятый перевод немецкого слова «Der Adel» на русский язык как «аристократия», «дворянство» или «знать» не совсем точен, ввиду того, что в истории положение дворянина в Европе и в России сильно отличалось. Наиболее адекватным переводом немецкого понятия было бы слово «шляхта», но оно для русскоязычных читателей ассоциируется почти исключительно с поляками, что, впрочем, не совсем верно исторически. Для перевода названия книги поэтому было выбрано слово «аристократия», а в самом тексте слова «аристократия» (как сословие) и «дворянство» используются как синонимы, хотя, повторяю, они не передают значение слова «Adel» в точности и в полном объеме.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Оговорка

Первая часть:

О деревенском и городском человеке

1. Сельский житель – городской житель
2. Юнкер – литератор
3. Джентльмен – представитель богемы
4. Инцест – метизация
5. Языческий и христианский менталитет

Вторая часть:

Кризис аристократии

6. Господство духа вместо господства меча
7. Сумерки аристократии
8. Плутократия
9. Родовое дворянство и аристократия будущего
10. Еврейство и аристократия будущего

Перспектива

Оговорка

Любая схема – это гибрид правды и неправды: хотя она правильна в отношении главного, она совершает насилие над несущественным. Природа не знает никаких чистых, законченных форм и типов: только переходы и приближения. Природа и искусство живы – идея, понятие и наука мертвы. Любая схематизация естественного пытается адекватно выразить живое через мертвое, органическое через механическое, меняющееся через неизменное. И эта схематизация всегда может быть успешной только приблизительно, частично, но никогда не полностью.

Приводимые ниже классификация и обобщения основываются на эстетической, но не на математической истине.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ: О ДЕРЕВЕНСКОМ И ГОРОДСКОМ ЧЕЛОВЕКЕ

1. Сельский житель – городской житель

Деревня и город – это два полюса человеческого существования. Деревня и город порождают свои особенные типы людей: деревенского и городского человека.

Деревенский человек и городской человек – это психологические антиподы. Крестьяне самых различных местностей в душевно-психическом отношении часто больше похожи друг на друга, чем горожане соседних крупных городов. Между одной и другой деревней, между одним и другим городом лежит пространство, между городом и деревней – время. Среди европейских деревенских жителей живут представители всех эпох: от каменного века до Средневековья; в то время как только мегаполисы Запада, которые породили самый экстремальный городской тип, являются представителями современной цивилизации. Таким образом, столетия, часто даже тысячелетия отделяют крупный город от окружающей его сельской местности.

Городской человек думает иначе, судит иначе, чувствует иначе, действует иначе, чем человек деревенский. Жизнь крупного города абстрактная, механическая, рациональная – сельская жизнь конкретная, органическая, иррациональная. Горожанин рационалистический человек, он настроен скептически, он недоверчив – крестьянин эмоционален, он доверчив, суеверен.

Все мысли и чувства крестьянина кристаллизуются вокруг природы, он живет в симбиозе с животным, живым творением Бога, он сросся со своим ландшафтом, он зависит от погоды и времени года. Напротив, точка кристаллизации души горожанина – это общество; она живет в симбиозе с машиной, мертвым творением человека; с помощью машин городской житель старается стать как можно более независимым от времени и пространства, от времени года и климата.

Деревенский человек верит в силу природы над человеком – городской житель верит в силу человека над природой. Сельский житель – это естественный продукт, горожанин – это общественный продукт; один видит цель, мерило и вершину мира в космосе, другой – в человечестве.

Деревенский человек консервативен, как сама природа – городской человек прогрессивен, как общество. Вообще весь прогресс исходит из городов и от горожан. Сам городской житель является в большинстве случаев продуктом революции внутри сельского рода, который порвал с деревенской традицией, переехал в большой город и начал там новую жизнь на новой основе.

Большой город лишает своих жителей наслаждения красотой природы; взамен этого он предлагает им искусство. Театры, концерты, галереи – это заменители вечных и постоянно меняющихся красот пейзажа. После каждодневной работы, полной безобразия и уродств, эти художественные институты предлагают горожанину красоту в сконцентрированной форме. В деревне же без них легко можно обойтись. Природа – это экстенсивная, а искусство – интенсивная форма проявления красоты.

В отношении городского человека к природе, которой ему недостает, господствует тоска; в то время как для деревенского человека природа – это постоянное осуществление. Поэтому горожанин ощущает природу преимущественно в духе романтизма, деревенский житель – в духе классицизма.

Общественная (христианская) мораль – это городской феномен; так как она представляет собой функцию человеческого сосуществования, общества. Типичный горожанин объединяет христианскую мораль с атеистическим скепсисом, рационалистическим материализмом и механистическим атеизмом. Мироззрение, которое следует из этого, – это мироззрение социализма: современная религия больших городов.

Для деревенского варвара Европы христианство – это едва ли что-то большее, чем просто новый вариант язычества с измененной мифологией и новым суевием; его истинная религия – это вера в природу, в силу, в судьбу.

Городской житель и сельский житель не знают друг друга; поэтому они не доверяют друг другу, неправильно понимают друг друга и живут в скрытой или открытой вражде. Существуют всевозможные лозунги, под которыми скрывается это стихийное соперничество: Красный и Зеленый Интернационалы; индустриализм и класс земледельцев; прогресс и реакция; еврейство и антисемитизм.

Все города черпают свои силы из деревни; все деревни черпают свою культуру из города. Деревня – это земля, из которой города обновляются; это источник, который их кормит; корень, из которого они произрастают. Города растут и умирают: деревня вечна.

2. Юнкер – литератор

Элита, высшее проявление деревенского человека – это аристократ-земледелец, помещик, юнкер. Элита городского человека – это интеллектуал, литератор.

Деревня и город породили два своих специфических аристократических типа: аристократия воли противостоит аристократии духа, родовое, наследственное

дворянство противостоит дворянству интеллекта. В типичном юнкере объединяются максимум характера с минимумом интеллекта – в типичном литераторе максимум интеллекта с минимумом характера.

Не всегда и не всюду помещному дворянству не хватало духа, городскому дворянству – характера. Как и в Англии Нового времени, родовое дворянство в Германии времен миннезанга было выдающимся культурным элементом; в то время как, с другой стороны, католическая духовная аристократия иезуитов и китайская духовная аристократия мандаринов в эпоху их расцвета продемонстрировали не меньше силы характера, нежели духа (интеллекта).

Противоположности деревенского и городского человека достигают апогея в юнкере и литераторе. Типичная профессия касты юнкеров – это профессия офицера; типичная профессия касты литератора – профессия журналиста.

Юнкер-офицер оставался, как в психическом, так и в духовном плане, на ступени рыцаря. Жесткий к себе и к другим, верный долгу, энергичный, стойкий, консервативный и ограниченный, он живет в мире династических, милитаристских, национальных и социальных предубеждений. С глубоким недоверием к модерну всякого рода, к большому городу, демократии, социализму, интернационализму он связывает такую же глубокую веру в свою кровь, в свою честь и в мировоззрение своих отцов. Он презирает горожанина, в первую очередь еврейского литератора и журналиста.

Литератор опережает свое время; он без предрассудков защищает современные идеи в политике, искусстве, экономике. Он прогрессивен, он скептик, он остроумен, разносторонен, непостоянен; он эвдемонист, рационалист, социалист, материалист. Он переоценивает дух, недооценивает тело и характер: и поэтому он презирает юнкера как отсталого варвара.

Сущность юнкера – это твердость воли, сущность литератора – это живость духа.

Юнкера и литератор – это прирожденные конкуренты и противники: там, где господствует каста юнкеров, дух должен уступить место силе; в такие реакционные времена политическое влияние интеллектуалов исключено или, по меньшей мере, ограничено. Если господствует каста литераторов, то сила должна отступить перед духом: демократия побеждает феодализм, социализм одерживает верх над милитаризмом.

Взаимная ненависть аристократии воли и аристократии духа Германии коренится в неправильном понимании. Каждая сторона видит только теневые стороны другой и слепа к ее положительным качествам. Душа юнкера, деревенского человека, вечно остается неразрешимой загадкой для высококультурных литераторов; в то время как почти для всех юнкеров душа интеллектуала, городского человека остается чуждой. Вместо того чтобы учиться у другого,

молодой лейтенант с пренебрежением смотрит сверху вниз на ведущие умы современной литературы, в то время как самый последний и посредственный журналист испытывает к замечательным офицерам только высокомерное презрение. Из-за этого двойного неправильного понимания чужого менталитета сначала милитаристская Германия недооценила силу сопротивления городских масс против войны, затем революционная Германия так же недооценила силу сопротивления деревенских масс против революции. Руководители деревни не осознавали психику города и его склонность к пацифизму – руководители городов не понимали психику сельских жителей и их предрасположенность к реакции: вот так Германия проиграла сначала войну, затем революцию.

Противоположность юнкера и литератора основывается на том, что оба эти типа представляют собой крайности, но не высшие точки родового дворянства и духовного дворянства. Так как наивысшая форма проявления родового дворянства – это *Grand-seigneur* («гран сеньор», «великий властитель»), наивысшая форма проявления духовного дворянства – это гений. Эти обе аристократии не только совместимы: они родственны. Цезарь, самый совершенный *Grand-seigneur*, был самым гениальным римлянином; Гёте, вершина гениальности, был из всех немецких поэтов больше всего *Grand-seigneur*. Здесь, как и всюду, средние ступени отдаляются друг от друга сильнее всего, тогда как вершины соприкасаются.

Совершенный аристократ – это одновременно аристократ воли и духа, но он не юнкер и не литератор. Он объединяет в себе дальновидность с силой воли, рассудок с энергией, дух с характером. Если такие синтетические личности отсутствуют, то расходящиеся аристократии воли и духа должны были дополнять друг друга, вместо того, чтобы бороться друг с другом. В Египте, Индии, Халдее жрецы и цари (интеллектуалы и воины) когда-то правили вместе. Жрецы склонялись перед силой воли, цари – перед силой духа: интеллект указывал цели, руки прокладывали дороги.

3. Джентльмен – представитель богемы

Родовое дворянство и духовное дворянство Европы создавали себе свои специфические типы: родовое дворянство Англии создало джентльмена; духовное дворянство Франции – представителя богемы.

Джентльмен и представитель богемы едины друг с другом в их стремлении убежать от пустой гнусности обывательского существования. Джентльмен преодолевает эту пустоту с помощью стиля, представитель богемы – с помощью темперамента. Джентльмен противопоставляет аморфности жизни форму – представитель богемы противопоставляет бесцветности жизни цвет.

Джентльмен приносит порядок в беспорядок человеческих отношений – представитель богемы приносит свободу в их несвободу.

Красота идеального джентльмена основывается на форме, стиле, гармоничности: она статичная, классическая, аполлоническая. Красота идеального представителя богемы основывается на темпераменте, свободе, жизненной силе: она динамичная, романтическая, дионисийская.

Джентльмен идеализирует и стилизует свое богатство – представитель богемы идеализирует и стилизует свою бедность.

Джентльмен опирается на традицию, представитель богемы опирается на протест: сущность джентльмена консервативна – сущность представителя богемы революционна. Мать идеального джентльмена – это Англия, самая консервативная страна Европы, а колыбель богемы – Франция, самая революционная страна Европы.

Идеал джентльмена – это уклад жизни касты, а идеал богемы – это уклад жизни личностей.

Идеал джентльмена по ту сторону Англии уходит вглубь веков к римским стоикам – идеал богемы по ту сторону Франции указывает в прошлое на греческую агору. Римские государственные деятели были близки к типу джентльмена, греческие философы – к типу представителя богемы: Цезарь и Сенека были джентльменами, Сократ и Диоген – представителями богемы.

Суть джентльмена кроется в физическо-психическом – суть представителя богемы кроется в умственном, духовном: джентльмен может быть глупцом, представитель богемы может быть преступником.

Оба идеала – это человеческие феномены кристаллизации: как кристалл может образовываться только в нежестком, подвижном окружении, так и оба эти идеала обязаны своим существованием английской и французской свободе.

В императорской Германии эта атмосфера для кристаллизации личности отсутствовала: поэтому она не могла развить равноценный идеал. Чтобы стать джентльменом, у немца недоставало стиля, чтобы превратиться в представителя богемы у немца отсутствовал нужный темперамент, чтобы стать и тем, и другим, ему не хватало грации и гибкости.

Так как он не находил в своей реальности подходящий ему уклад жизни, немец искал в своей поэзии идеальные воплощения немецкой сущности: и нашел как физическо-психический идеал молодого Зигфрида, как умственный идеал старого Фауста.

Оба идеала были романтически-устаревшими: в искажении действительности романтический идеал Зигфрида, окостенев, превратился в прусского офицера, в лейтенанта, а романтический идеал Фауста превратился в немецкого ученого, профессора.

На место органических идеалов пришли механические: офицер представляет собой механизацию психического: окостеневшего Зигфрида; профессор – механизацию умственного, духовного: застывшего Фауста.

Германия эпохи императора Вильгельма II больше всего гордилась двумя своими классами: своими офицерами и своими профессорами. В них она видела элиту нации, как Англия видела свою элиту в своих политических руководителях, романские народы – в своих художниках.

Если немецкий народ хочет дальнейшего развития, то он должен пересмотреть свои идеалы: его энергия должна разорвать военную односторонность и расшириться до политически-человеческой многосторонности; его дух должен разорвать чисто научную узость и расшириться до синтеза поэта-мыслителя.

Девятнадцатый век подарил немецкому народу двух мужей самого большого стиля, которые воплощали эти требования высшей немецкой сущности: Бисмарка, героя действия; Гёте, героя духа.

Бисмарк обновляет, углубляет и оживляет ставший пошлым идеал Зигфрида – Гёте обновляет, углубляет и оживляет покрывшийся пылью идеал Фауста.

У Бисмарка были хорошие качества немецкого офицера – без его недостатков; у Гёте были хорошие качества немецкого ученого – без его недостатков. В Бисмарке превосходство государственного деятеля преодолевает ограниченность офицера – в Гёте превосходство поэта-мыслителя побеждает ограниченность ученого: в обоих органический идеал личности побеждает механическое, человек побеждает марионетку.

Своей образцовой личностью Бисмарк принес немецкой общности больше пользы, чем своим основанием империи; своим олимпийским существованием Гёте одарил немецкий народ богаче, чем своим «Фаустом»: так как Фауст, как и Гётц, Вертер, Мейстер и Тассо, это только один фрагмент человечности Гёте.

Однако Германия должна была остерегаться того, чтобы опозлить и унижить оба своих живых образца: сделать из Бисмарка фельдфебеля, а из Гёте директора школы.

Подражая этим обеим вершинам немецкой человечности, Германия могла бы расти и выздоравливать. Ибо Бисмарк и Гёте – это те два фокуса, вокруг которых мог бы образоваться новый немецкий образ жизни, который был бы равноценен западным идеалам.

4. Инцест – метизация

В большинстве случаев деревенский человек – это продукт близкородственного размножения, инцеста, а городской человек – это метис.

Родители и предки крестьянина происходят обычно из одной и той же малонаселенной местности; родители и предки аристократа происходят из одного и того же тонкого верхнего слоя. В обоих случаях предки являются родственниками по крови, и поэтому в большинстве случаев они в физическом, психическом и в духовном плане похожи друг на друга. Вследствие этого они передают своим детям и потомкам в увеличенной степени свои общие черты, склонности и желания, тенденции, страсти, предубеждения, сдерживающие препятствия. Основные черты, которые получаются из этого близкородственного размножения: верность, благочестие, склонность к прочной семейной жизни, кастовый дух, постоянство, упрямство, энергия, ограниченность; власть предубеждений, нехватка объективности, узость кругозора. Здесь одно поколение – это не изменение предыдущих поколений, а просто их повторение: на место развития приходит сохранение.

В крупном городе встречаются самые разные народы, расы, сословия. Как правило, городской человек – это метис из самых различных социальных и национальных элементов. В нем растворяются или, по крайней мере, ослабевают противоположные характерные черты, предубеждения, препятствия, желания, склонности и мировоззрения его родителей и предков. Последствием является то, что метисы часто объединяют в себе бесхарактерность, распущенность, слабоволие, непостоянство, непочтительность и вероломство с объективностью, многосторонностью, умственной активностью, свободой от предубеждений и с широким кругозором. Метисы всегда отличаются от своих родителей и предков; каждое их поколение – это изменение предыдущих поколений, в духе либо эволюции, либо дегенерации.

Человек инцеста – это человек одной души, человек метизации, метис, это человек многих душ, в каждом индивидууме продолжают жить его предки как элементы его души: если они тождественны друг другу, то его душа однородна, унифицирована, однообразна; если же они расходятся, то человек разнообразен, многогранен, сложен, дифференцирован.

Величие духа состоит в его экстенсивности, то есть, в его способности всё понимать и всё охватывать; величие характера кроется в его интенсивности, оно сконцентрировано в его способности хотеть, желать сильно, сконцентрировано и упорно. Таким образом, в известном смысле, мудрость и энергия представляют собой противоречия.

Чем сильнее выражены способность и склонность человека видеть вещи со всех сторон как мудрец и непредвзято становиться на любую точку зрения –

тем слабее в большинстве случаев его импульс воли действовать в определенном направлении без колебаний, не задумываясь: так как каждому мотиву противостоят противоположные мотивы, каждой вере – скепсис, каждому поступку противостоит понимание его космической незначительности.

Только ограниченный односторонний человек может быть энергичным и деятельным. Но бывает не только бессознательная, наивная ограниченность: существует также ограниченность сознательная, героическая. Героически ограниченный человек – и к этому типу относятся все поистине великие активные люди – время от времени добровольно отключает все стороны своего существа, кроме лишь одной, той, которая определяет его действие. Объективным, критическим, скептическим, размышляющим он может быть перед своим действием или после действия: но во время самого действия он субъективный, верящий, односторонний, несправедливый.

Мудрость тормозит, сдерживает энергию – энергия отрицает мудрость. Самая сильная воля безрезультатна, если у нее нет определенного направления; но даже слабая воля вызывает самые сильные последствия, если она односторонняя.

Не бывает деятельной жизни без несправедливости, ошибки, вины: тот, кто боится нести эту дурную славу, тот пусть остается в царстве мысли, спокойствия, пассивности.

Правдивые люди всегда молчаливы: так как каждое утверждение, в известном смысле, является ложью; чистые душой люди всегда неактивны: так как каждый поступок, в известном смысле, является несправедливостью. Но более смело говорить, несмотря на опасность солгать; действовать, вопреки риску совершить несправедливость.

Инцест укрепляет характер, но ослабляет дух – метизация ослабляет характер, зато укрепляет дух. Там, где инцест и метизация встречаются при благоприятных условиях, они порождают самый высший тип человека, самый сильный характер с самым острым духом. Там же, где инцест и метизация соединяются под несчастливой звездой, они создают выродившиеся типы со слабым характером и тупым духом.

Человек далекого будущего будет метисом, человеком смешанной расы. Сегодняшние расы и касты падут жертвой постепенного преодоления пространства, времени и предубеждений. Евразийско-негроидная будущая раса, внешне похожая на древних египтян, заменит разнообразие народов разнообразием личностей. Потому что, согласно законам наследственности, вместе с различием предков возрастает и различие потомков, а с однообразием предков растет однообразие потомков. В семьях, основанных на инцесте, близкородственном размножении, один ребенок похож на другого, так как все они

представляют один, общий семейный тип. В семьях метисов дети сильнее отличаются друг от друга: каждый образует новую вариацию расходящихся элементов родителей и их предков.

Инцест создает характерные типы – метизация создает оригинальные личности.

Предшественник планетарных людей будущего в современной Европе – это русский как финско-славянско-татарский метис; так как он из всех европейских народов меньше всего обладает одной расой, он – типичный человек многих душ с широкой, богатой, всеобъемлющей душой. Самый сильный его антипод – это островной британец, чистопородный человек одной души, сила которого лежит в характере, в воле, в одностороннем, в типичном. Ему современная Европа обязана самым закрытым, самым замкнутым, самым цельным и совершенным типом: джентльменом.

5. Языческий и христианский менталитет

Две формы души борются за мировое господство: язычество и христианство. С вероисповеданиями, которые носят эти имена, эти формы души связаны только внешне, очень поверхностно. Если перенести центр тяжести с догматики на этику, с мифологии на психологию, то буддизм превращается в ультрахристианство, в то время как американизм представляется как модернизированное язычество. Восток – это главный носитель христианского, Запад – главный носитель языческого менталитета: «языческие» китайцы – это лучшие христиане, чем «христианские» германцы.

Язычество ставит на вершину этической ценностной шкалы энергию, христианство – любовь. Христианский идеал – это любящий святой, языческий идеал – побеждающий герой. Христианство хочет превратить «homo ferus», человека дикого, в «homo domesticus», человека домашнего, человека-хищника в человека – домашнее животное – в то время как язычество хочет преобразовать человека в сверхчеловека. Христианство хочет укротить тигров, сделав из них кошек, язычество же хочет увеличить, усилить кошек, превратив их в тигров.

Основным провозвестником современного христианства был Толстой; основным провозвестником современного язычества был Ницше.

Германская религия Эдды была самым чистым язычеством. Под христианской маской она продолжала жить: в Средневековье как аристократическое, в Новом времени как империалистическое и милитаристское мировоззрение. Офицеры, юнкера, колонизаторы, промышленные магнаты – это ключевые представители современного язычества. Энергия, смелость, величие, свобода, власть, слава и честь – это идеалы язычества; в то время как любовь, мягкость, покорность, сочувствие и самоотрицание – это христианские идеалы.

Антитезис «христианство-язычество» не совпадает ни с противопоставлением «деревенский человек – городской человек», ни с противопоставлением «инцест – метизация». Без сомнения, однако, деревенское варварство и инцест благоприятствуют развитию языческого менталитета, а городская цивилизация и метизация – развитию христианского менталитета.

Общепринятый языческий индивидуализм возможен только на малонаселенных землях, где одиночка может решительно закрепиться и развиваться, не считаясь ни с чем, и при этом не противопоставить себя сразу же своим ближним, не оказаться в конфликте с ними. В перенаселенных местностях, где человек постоянно сталкивается с другими людьми, социалистический принцип взаимной поддержки должен дополнять индивидуалистический принцип борьбы за существование и частично вытеснять его.

Христианство и социализм – это международные продукты большого города. Христианство как мировая религия вышло из Рима, безрасового мегаполиса. Социализм вышел из промышленных городов Запада, в которых перемешались самые разные национальности. Оба проявления христианского менталитета построены на интернационализме.

Сопротивление христианству исходило от сельского населения (pagani); так же, как и сегодня именно сельские жители оказывают самое сильное сопротивление реализации социалистического уклада жизни.

Всегда малонаселенные, северные местности были центрами языческого желания, густонаселенные южные местности были питомниками христианского чувства. Когда сегодня говорят о противоположности восточной и западной жизни души, то большей частью под этим понимается не что иное, как эта противоположность между человеком юга и человеком севера. Японец, как самый северный культурный житель Востока, во многом приближается к западному человеку; в то время как склад ума южного итальянца и южноамериканца является восточным. Для состояния души градус широты кажется более решающим, чем градус долготы.

Не только географическое положение: также историческое развитие определяющим образом воздействует на форму души народа. Китайский народ, как и еврейский народ потому обладают более христианскими чувствами и восприятиями, чем германский народ, так как их культурное прошлое старше. Германец в отношении времени оказывается ближе к дикарю, чем китаец и еврей; оба эти древних культурных народа смогли более основательно эмансипироваться от языческого естественного взгляда на жизнь, так как у них было для этого как минимум на три тысячелетия больше времени.

Язычество – это симптом культурной молодости, христианство – симптом культурной старости.

Три народа: греки, римляне, евреи, каждый по-своему, покорили античный культурный мир. Сначала эстетическо-философский народ греков: в эллинизме; затем практически-политический народ римлян: в Римской империи, наконец, этически-религиозный народ евреев: в христианстве.

Христианство, подготовленное в этическом отношении иудейскими эссеями (Иоанн Предтеча), в духовном плане еврейскими мыслителями из Александрии (Филон), было возрожденным еврейством. В той же мере, в которой Европа является христианской, она и еврейская (в этически-духовном смысле); в той же степени, в которой Европа моральна, она еврейская. Почти вся европейская этика коренится в иудаизме. Все поборники какой-либо религиозной или нерелигиозной христианской морали, от Блаженного Августина до Руссо, Канта и Толстого, были в умственном, духовном смысле «евреями по выбору» (т.е. евреями не по крови, а добровольно выбравшими для себя еврейский дух – прим. перев.); Ницше – единственный нееврейский, единственный языческий философ-моралист Европы.

Самые видные и самые убежденные защитники христианских идей, которые в их современном возрождении называются пацифизмом и социализмом, – это евреи.

На Востоке китайский народ – в высшей степени этический народ (в отличие от эстетически-героических японцев и религиозно-спекулятивных индийцев) – на Западе же это еврейский народ. Бог был главой государства древних евреев, их закон обычаев был гражданским сводом законов, грех был преступлением.

За тысячелетия еврейство осталось верным теократической идее отождествления политики и этики: и христианство и большевизм – это две попытки создать Царство Божье. Два тысячелетия назад первые христиане, а не фарисеи и не саддукеи, были наследниками и обновителями традиции Моисея. Сегодня это не сионисты, и не христиане, а еврейские вожди социализма: потому что они тоже хотят, с наивысшим самоотрицанием, искупить первородный грех капитализма, освободить людей от несправедливости, насилия и кабалы и превратить искупивший грехи мир в земной рай.

Для этих еврейских пророков современности, которые подготавливают новую всемирную эпоху, этическое является первостепенным во всем: в политике, религии, в философии и искусстве. От Моисея до Вейнингера этика была основной проблемой еврейской философии. В этой этической основной позиции по отношению к миру кроется корень неповторимого величия еврейского народа. В то же время, однако, здесь есть и опасность того, что евреи, которые утратят свою веру в этику, опустятся до циничных эгоистов: в то время как люди другого менталитета также после потери их этической ориентации все еще сохранят много других благородных ценностей и предубеждений (человек

чести, джентльмен, кавалер и т. д.), которые защитят их от падения в хаос ценностей.

Что в основном отличает евреев от средних горожан, это то, что евреи – люди инцеста, близкородственного размножения. Сила характера, объединенная с пронизательностью, предопределяет еврея в его наиболее выдающихся экземплярах к роли вождя городского человечества, к роли как фальшивого, так и настоящего аристократа духа, поборника как капитализма, так и революции.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ: КРИЗИС АРИСТОКРАТИИ

6. Господство духа вместо господства меча

Наш демократический век – это жалкая интермедия между двумя великими аристократическими эпохами: эпохой феодальной аристократии меча и эпохой социальной аристократии духа. Феодальная аристократия пребывает в упадке, аристократия духа находится в процессе становления. Этот промежуток времени называет себя демократическим, но на самом деле правит им псевдоаристократия денег.

В Средневековье деревенский рыцарь господствовал в Европе над городским буржуа, языческий менталитет господствовал над христианским менталитетом, родовое дворянство – над дворянством интеллекта. Превосходство рыцаря над буржуа основывалось на крепости тела и твердости характера, на силе и мужестве.

Два изобретения победили Средневековье, открыли Новое время: изобретение пороха означало конец рыцарского господства, изобретение книгопечатания – начало духовного господства. Физическая сила и мужество из-за внедрения огнестрельного оружия утратили свое определяющее значение в борьбе за существование. Дух стал, в борьбе за власть и свободу, решающим оружием.

Книгопечатание дало духу средство завоевания и сохранения власти неограниченной важности; пишущее человечество сместилось в центр читающего человечества и этим возвысило писателя до духовного вождя масс. Гутенберг дал перьям ту власть, которую Бертольд Шварц отобрал у мечей. С помощью печатной краски Лютер завоевал большую империю, чем все немецкие императоры.

В эпоху просвещенного деспотизма властители и государственные деятели прислушивались к идеям, которые исходили от мыслителей. Писатели того

времени составляли духовную, интеллектуальную аристократию Европы. Победа абсолютизма над феодализмом означала первую победу города над деревней и в то же время была первым этапом в триумфальном шествии аристократии духа, в падении аристократии меча. На место средневековой диктатуры деревни над городом пришла современная диктатура города над деревней.

Вторая эпоха эмансипации духа началась с Французской революции, которая порвала с привилегиями родовой знати. Демократия основывается на той оптимистичной предпосылке, что большинство народа якобы могло бы узнать, понять и выбрать аристократию духа.

Теперь мы стоим на пороге третьей эпохи Нового времени: социализма. Также он опирается на городской класс индустриальных рабочих, который возглавляет духовная городская аристократия революционных писателей.

Влияние родового дворянства уменьшается, влияние аристократии духа растет.

Этот процесс, и вместе с тем хаос современной политики прекратится только тогда, когда какая-то аристократия духа захватит в свои руки средства поддержания власти в обществе: порох, золото, печатную краску, и использует их во благо общества.

Один из решающих этапов на пути к этой цели образует русский большевизм, где маленькая группа коммунистических аристократов духа управляет страной и осознанно порывает с плутократическим демократизмом, который владеет сегодня остальным миром.

Плутократия – это псевдоаристократия духа. Также плутократия была этапом на пути от аристократии меча к аристократии духа. Плутократия, как и аристократия духа, основывается на интеллектуальном превосходстве. Она – индивидуалистическая аристократия интеллекта, не социалистическая аристократия духа. Она – предшественница будущей формы господства, руководители которой объединяют энергию и интеллект плутократов с социальным складом ума, с чувством ответственности, с идеализмом.

Борьба капитализма и коммунизма за наследство побежденного родового дворянства является братоубийственной войной победоносного дворянства интеллекта, борьбой между индивидуалистическим и социалистическим, эгоистичным и альтруистическим, языческим и христианским духом. Генеральный штаб обеих партий формируется из руководящей духовной расы Европы: еврейства.

Капитализм и коммунизм оба рационалистические явления, они оба механистические, оба абстрактные, оба городские.

Дворянство меча проиграло окончательно. Действие духа, власть духа, вера в дух, надежда на дух растет: и с ними новое дворянство.

7. Сумерки аристократии

На протяжении Нового времени родовое дворянство было отравлено придворной атмосферой, духовное дворянство – капитализмом.

С конца Высокого Средневековья высшая знать континентальной Европы, за весьма немногими исключениями, находится в состоянии усиливающегося упадка. По причине урбанизации она утратила свои физические и психические преимущества.

Во времена феодализма родовое дворянство было призвано защищать свою землю от нападений врагов и посягательств властителя. Дворянин был свободен и уверен в себе по отношению к подчиненным, равноправным, вышестоящим, он был королем в своем поместье, он мог свободно развивать свою личность в соответствии с благородными рыцарскими принципами.

Абсолютизм изменил эту ситуацию: оппозиционная аристократия, которая свободно, гордо и смело настаивала на своих исторических правах, была, насколько это было возможно, искоренена; оставшиеся были перетянуты ко двору и там вынуждены были смириться с блистательной кабалой. Эта придворная знать была несвободной, она находилась в зависимости от настроений властителя и его камарильи; поэтому она вынуждена была утратить свои лучшие качества: сильный характер, стремление к свободе, гордость, способность руководить. Чтобы сломить характер и вместе с тем силу сопротивления французского дворянства, король Людовик XIV переманил его в Версаль; завершение его трудов оставалось за Великой революцией: она отобрала у дворянства, которое отдало и растеряло свои преимущества, его ставшие пережитками привилегии.

Только в тех странах Европы, где дворянство, верное своей благородной миссии, осталось руководителем и передовым борцом национальной оппозиции против монархического деспотизма и иностранного господства, сохранился аристократический тип вождя: в Англии, Венгрии, Польше, Италии.

После превращения европейской культуры из дворянско-деревенской в буржуазно-городскую, родовое дворянство с духовно-культурной точки зрения отставало от буржуазии. Война, политика и управление своими поместьями требовали от аристократии так много времени и сил, что ее умственные способности и интересы пришли в сильнейший упадок.

Эти исторические причины сумерек аристократии в Новое время еще больше обострялись физиологическими причинами: алкоголь и сифилис подрывали

прежнее физическое превосходство дворянства; к этому добавлялись еще дегенеративные влияния преувеличенного инцеста, которых английское дворянство избегало благодаря частым бракам с представителями буржуазии. Вместо суровой и трудной средневековой военной службы Новое время в большинстве случаев принесло аристократии безработное и беззаботное благополучие. Благодаря своему наследному богатству дворянство из сословия, подвергавшегося самому большому риску, превратилось в сословие с самой гарантированной обеспеченной жизнью. Из-за взаимодействия всех этих обстоятельств физический, психический и умственный тип прежней аристократии приходил в упадок.

Дворянство интеллекта не могло сменить родовое дворянство, так как также оно находится в кризисе, в состоянии упадка. Демократия возникла из-за затруднительного положения: не потому, что люди не хотели аристократии, а потому, что они не находили аристократию. Как только сформируется новая, истинная аристократия, демократия исчезнет сама собой. Так как Англия обладает настоящим дворянством, она, вопреки своей демократической конституции, осталась аристократической.

Академическое дворянство интеллекта Германии, столетие назад вождь оппозиции против абсолютизма и феодализма, поборник современных и свободных идей, сегодня деградировало до главной опоры реакции, опустилось до основного противника духовного и политического обновления. Это псевдодуховное дворянство Германии было во время войны адвокатом милитаризма, а во время революции защитником капитализма. Его лозунги: национализм, милитаризм, антисемитизм, алкоголизм, – это одновременно лозунги в борьбе против духа. Свою столь ответственную миссию: сменить феодальное дворянство и подготовить аристократию духа, академическая интеллигенция не осознала, она отреклась от нее, предала ее.

Также публицистическая интеллигенция предала свою миссию руководителя. Она, которая была призвана быть духовным вождем и учителем масс, дополнить и улучшить то, что упустила и плохо сделала отсталая школьная система, она в своем огромном большинстве унизилась до рабыни капитала, стала портить и уродовать политический и художественный вкус. Ее характер разбился под принуждением представлять и защищать чужие убеждения вместо своих собственных – ее дух был выхолощен и опошлен перепроизводством, к которому ее принуждает ее профессия.

Как и ритор античности, журналист современности стоит в центре государственной машины: он уговаривает избирателей, избиратели мотивируют депутатов, депутаты – министров. Таким образом, наивысшая ответственность за все политическое развитие событий достается журналисту: и как раз он, как типичный представитель городской бесхарактерности, в большинстве случаев чувствует себя свободным от всяких обязательств и ответственности.

Школа и пресса – это те две исходные точки, из которых мир можно было бы обновить и облагородить бескровно, без насилия. Школа питает или отравляет душу ребенка; пресса питает или отравляет душу взрослого. Сегодня и школа и пресса находятся в руках лишенной духа интеллигенции: вернуть их в руки духа было бы наивысшим заданием всякой идеальной политики, всякой идеальной революции.

Династии властителей Европы деградировали из-за кровосмешения; династии плутократов из-за беззаботного благополучного существования. Родовое дворянство пришло в упадок, так как оно было служителем монархии; аристократия духа пришла в упадок, так как она была служителем капитала.

Обе аристократии забыли, что с любой привилегией, с любой наградой и исключительным положением связана ответственность. Они забыли девиз всякой истинной аристократии: «Положение обязывает!». Они хотели наслаждаться плодами своего привилегированного положения, но при этом не нести своих обязанностей; они воспринимали себя как господа и начальники, не как вожди и примеры для своих ближних. Вместо того чтобы указывать новые цели народу, прокладывая новые пути, они позволили властителям и капиталистам злоупотреблять ими как инструментами их интересов: ради беззаботного существования, почетных должностей и денег они продавали свои души, свою кровь и свой мозг.

Старое дворянство крови и интеллекта потеряло право продолжать еще считаться аристократией; так как у него отсутствуют все признаки истинной аристократии: характер, свобода, ответственность. Нити, которые связывали их с их народами, они перерезали: сословной спесью с одной стороны, чванством собственной образованностью, с другой стороны.

Это соответствовало бы духу исторической Немезиды, чтобы великий всемирный потоп, начавшийся в России, кровавым или бескровным путем очистил бы мир от узурпаторов, которые хотят сохранить свое привилегированное положение, хотя они уже давно утратили все прежние предпосылки для этого.

8. Плутократия

Ввиду упадка родовой аристократии и аристократии духа не нужно удивляться тому, что власть в свои руки временно захватил третий класс людей: плутократия.

Конституционная форма, которая сменила феодализм и абсолютизм, была демократической; форма господства – плутократической. Сегодня демократия – фасад плутократии: так как народы не потерпели бы открытую плутократию, то номинальная власть предоставлена им, в то время как фактическая власть

пребывает в руках плутократов. Как в республиканской, так и в монархической демократии государственные деятели – это марионетки, а капиталисты – кукловоды: они диктуют директивы политики, они благодаря покупке общественного мнения владеют избирателями, благодаря коммерческим и общественным связям они владеют министрами.

На место феодальной общественной структуры пришла плутократическая: больше не рождение служит мерилom для социального положения, а доход. Сегодняшняя плутократия могущественнее вчерашней аристократии, так как над ней не стоит никто, кроме государства, которое само является ее инструментом и сообщником.

Когда еще существовало настоящее родовое дворянство, система аристократии по рождению была справедливее, чем сегодняшняя система денежной аристократии: так как тогда у господствующей касты было чувство ответственности, культура, традиция – в то время как класс, который господствует сегодня, лишен всякого чувства ответственности, любой культуры и традиции. Отдельные исключения не меняют ничего в этом факте.

В то время как мировоззрение феодализма было героически-религиозным, плутократическое общество не знает более высокой ценности, чем деньги и благополучие: значение человека оценивается исходя из того, что у него есть, а не из того, кто и что он такое.

Тем не менее, руководители плутократии образуют в известном смысле аристократию, элиту, так как для того, чтобы приобрести большое богатство, необходим ряд замечательных качеств: энергия, предусмотрительность, ум, осмотрительность, присутствие духа, инициатива, дерзость и широта натуры.

Благодаря этим преимуществам успешные крупные предприниматели узаконивают себя как современные завоеватели, превосходящая сила воли и сила духа которых принесла им победу над массой менее способных, неполноценных конкурентов.

Тем не менее, это превосходство плутократов имеет силу только в пределах соответствующих классов людей, промышленников, коммерсантов и т.д., и оно сразу же исчезает, если этих выдающихся предпринимателей сравнить с выдающимися представителями идеальных профессий. Это справедливо, что толковый промышленник или дельный купец поднимается в материальном и общественном отношении выше, чем его неспособные коллеги. Но несправедливо, что его общественная власть и значение выше, чем власть и значение художника, ученого, политика, писателя, учителя, судьи, врача, которые в своей профессии так же способны, как и он, но способности которых, тем не

менее, служат более идеальным и более социальным целям. То есть, несправедливо то, что современная общественная система более вознаграждает эгоистично-материалистический менталитет, нежели бескорыстно-идеальный.

В этом предпочтении эгоистичных способностей альтруистическим, материалистичных качеств идеалистическим лежит основное зло капиталистической общественной структуры. В то время как истинные аристократы духа и сердца, мудрые и добрые, живут в бедности и бессилии, эгоистичные насильники узурпируют руководящие посты, которые должны были бы быть предназначены для первых.

Таким образом, плутократия с энергетической и интеллектуальной точки зрения представляет собой аристократию, а в этическом и духовном отношении – псевдоаристократию; внутри классов коммерсантов и промышленников это аристократия, а в сравнении с более идеальными профессиями – псевдоаристократия.

Как и аристократия крови и духа, также аристократия денег в настоящее время пребывает в периоде упадка. Сыновья и внуки тех великих предпринимателей, воля которых, закаленная нуждой и трудом, подняла их из ничего к власти, преимущественно становятся вялыми и изнеженными из-за благополучия и бездеятельности. Только редко отцовские способности переходят по наследству или проявляются на более высоком уровне в духовном и более идеальном творчестве. У родов плутократов отсутствует та традиция и мировоззрение, тот консервативно-деревенский дух, который когда-то на протяжении столетий оберегал дворянские роды от вырождения. Слабые эпигоны принимают наследие власти своих отцов, без тех даров воли и разума, с помощью которых это наследие было некогда приобретено их отцами. Власть и способность попадают в противоречие и подтачивают тем самым внутреннее основание капитализма.

Историческое развитие ускорило этот естественный упадок. Поднявшись вверх благодаря экономическому буму во время войны, новая плутократия спекулянтов начинает разлагать и вытеснять старую плутократию предпринимателей. Если при обогащении предпринимателя растет и благосостояние народа, то при обогащении спекулянта оно лишь ухудшается. Предприниматели – это руководители экономики, а спекулянты – ее паразиты. Предпринимательство – это производительный капитализм, спекуляция – непроизводительный капитализм.

Современная благоприятная экономическая конъюнктура облегчает приобретение богатств самым бессовестным, бесчестным и не знающим никаких моральных ограничений людям. Для спекулятивных прибылей удача и бесцеремонность необходимее, чем выдающиеся таланты воли и разума. Таким обра-

зом, современная плутократия спекулянтов представляет собой скорее какистократию (власть наихудших) характера, нежели аристократию способностей. Из-за усиливающейся размытости границ между предпринимательством и спекуляцией капитализм оказывается скомпрометированным и униженным перед форумом духа и общественности.

Никакая аристократия не может долго продержаться без морального авторитета. Как только какой-то господствующий класс прекращает быть символом этической и эстетической ценности, его падение становится неудержимым.

Плутократия, если сравнить ее с другими аристократиями, бедна эстетическими ценностями. Она выполняет политические функции аристократии, не предлагая при этом культурные ценности дворянства. Однако богатство можно терпеть только в одеянии красоты, оно оправдано только как носитель эстетической культуры. Между тем, новая плутократия закутывается в пустую безвкусицу и назойливое уродство: ее богатство становится бесплодным и отталкивающим.

Европейская плутократия пренебрегает – в отличие от американской – своей этической миссией так же сильно, как и эстетической: социальные благотворители высокого уровня в ней так же немногочисленны, как и меценаты. Вместо того чтобы увидеть свой смысл жизни в социальном капитализме, в собирании раздробленного народного достояния для великодушных трудов творческого человеколюбия, плутократы в своем подавляющем большинстве чувствуют себя вправе безответственно строить свое благополучие на нищете и бедствиях масс. Они не доверенные лица человечества, а эксплуататоры, они не вожди, а люди, указывающие неверный путь.

Из-за этого недостатка эстетической и этической культуры плутократия навлекает на себя не только ненависть, но и презрение общественного мнения и его духовных руководителей: так как она не смогла стать аристократией, она должна пасть.

Русская революция означает для плутократической исторической эпохи начало конца. Даже если Ленин проиграет, его тень так же будет доминировать над двадцатым веком, как Французская революция вопреки ее крушению определила развитие века девятнадцатого. Никогда в континентальной Европе феодализм и абсолютизм добровольно не отказались бы от власти – если бы не было страха перед повторением якобинского террора, перед концом французского дворянства и короля. Так и дамоклову мечу большевистского террора быстрее удастся смягчить сердца плутократов и сделать их открытыми социальным требованиям, чем евангелию Христа за два тысячелетия.

9. Родовое дворянство и аристократия будущего

Аристократия опирается на физическую, душевную, умственную, духовную красоту; красота покоится на совершенной гармоничности и возросшей жизненной силе: тот, кто в этом превосходит свое окружение, своих современников, тот и есть аристократ.

Старый аристократический тип вымирает; новый же еще не сложился. Наш промежуток времени очень беден великими личностями: красивыми людьми; благородными людьми; мудрыми людьми. Между тем, эпигоны утонувшего дворянства узурпируют мертвые формы прежней аристократии и наполняют их содержанием своей жалкой буржуазности. Сильная и бодрая полнота жизни прежней аристократии перешла к выскочкам из низов: все же, у них отсутствуют ее формы, ее элегантность, ее красота.

Тем не менее, время требует не разочаровываться в идее аристократии, не терять надежду на будущее аристократии. Если человечество хочет прогрессировать, идти вперед, то оно нуждается в вожде, руководителе, учителе, проводнике; в реализации того, чем оно хочет быть; в предтече его будущего возвышения в более высокие сферы. Без аристократии никакая эволюция не возможна. Эвдемонистическая политика может быть демократической – эволюционная политика должна быть аристократической. Чтобы подниматься, чтобы идти вперед, необходимы цели; чтобы достигать целей, необходимы люди, которые ставят цели, ведут к целям: аристократы.

Аристократ как вождь – это политическое понятие; аристократ как образец – это эстетический идеал. Наивысшее требование призывает, чтобы аристократия совпадала с дворянством, вождь с образцом: чтобы руководство досталось совершенным людям.

На фоне европейского человечества количества, которое верит только в число, в массу, выделяются две высококачественные расы: родовое дворянство и еврейство. Разделенные друг от друга, они твердо придерживаются веры в свою высшую миссию, в свою лучшую кровь, в иерархические различия людей. В этих обеих гетерогенных превосходящих расах скрыто ядро европейской будущей аристократии: в феодальной родовой знати, если она не дала разложить себя двору; в еврейской аристократии интеллекта, если ее не удалось развратить капиталу. Как гарантия лучшего будущего остается маленький остаток высокоморального деревенского дворянства и маленькая боевая группа революционной интеллигенции. Здесь единение между Лениным, выходцем из сельского мелкопоместного дворянства, и Троцким, еврейским литератором, возрастает до степени символа: здесь противоположности характера и духа, юнкера и литератора, деревенского и городского, языческого и христианского человека примиряются друг с другом, создавая творческий синтез революционной аристократии.

Одного шага вперед в духовном было бы достаточно для того, чтобы поставить лучшие элементы родового дворянства, которые в деревне уберегли свое физическое и моральное здоровье от развращающих влияний придворного воздуха, на службу нового освобождения человечества. Потому что к этой позиции их предопределяет их традиционное мужество, их антибуржуазный и антикапиталистический менталитет, их чувство ответственности, их презрение к материальным преимуществам, их стоическая тренировка воли, их порядочность и чистота, их идеализм. Направленные на более духовные и более свободные дороги, сильные энергии аристократии, которые до сих пор были опорами реакции, могли бы возродиться для новой элиты и породить вождей, в характере которых несгибаемость воли соединена с широтой души и самоотверженностью; и, вместо того, чтобы в качестве представителей буржуазии (которая претит им глубине души) служить капиталистическим интересам, встать в один ряд с представителями омоложенной аристократии духа для освобождения и облагораживания человечества.

Политика в Европе на протяжении столетий была привилегией аристократии. Высшая знать образовывала международную политическую касту, в которой культивировались дипломатические таланты. Уже много поколений европейское родовое дворянство живет в политической атмосфере, от которой буржуазия была намеренно отстранена. В своих латифундиях аристократия училась искусству управления, обращению с людьми, а на ключевых государственных должностях внутри страны и за рубежом она изучала искусство обращения с народами. Политика – это искусство, не наука; ее суть лежит больше в инстинкте, чем в разуме, больше в подсознательном, чем в сознательном. Политический талант можно пробудить и усовершенствовать, но ему никогда нельзя просто выучиться. Гений ломает все правила, но аристократия все же несравненно богаче политическими талантами, чем буржуазия. Так как для того, чтобы приобрести знания, достаточно одной жизни одного отдельного человека, но чтобы выработать инстинкты, требуется взаимодействие многих поколений. В науках и изящных искусствах буржуазия талантом превосходит дворянство: в политике же соотношение противоположно. Поэтому происходит так, что также демократические государства Европы часто доверяют свою внешнюю политику потомкам своей высшей аристократии, так как это соответствует государственным интересам – использовать во благо общества то богатое наследие политического таланта, которое аристократия накапливала и сохраняла в течение веков.

Политические способности высшей знати не в последнюю очередь можно объяснить ее сильным смешением кровей. Так как это национальное смешение рас сильно расширяет ее кругозор и парализует тем самым дурные последствия происходящего одновременно кастового инцеста. Подавляющее большинство неполноценных аристократов соединяет в себе недостатки смешения с недостатками инцеста: бесхарактерность с духовной нищетой; в то время

как в редких кульминационных точках современной высшей аристократии встречаются преимущества обоих: сильный характер вместе с духом.

С интеллектуальной точки зрения сегодня между крайними правыми (консервативное родовое дворянство) и крайними левыми (революционная аристократия духа) зияет сильная разница в уровне, в то время как в характере эти мнимые крайности соприкасаются. Однако все интеллектуальное, сознательное лежит на поверхности, а все характерное, бессознательное скрывается в глубине личности. Знания и мнения можно легче образовывать и преобразовывать, чем черты характера и направления воли.

Ленин и Людендорф в своих политических идеалах являются антагонистами: в своем отношении к воле, в своей волевой позиции они братья. Если бы Людендорф вырос в революционной среде русского студенчества; если бы он пережил, как Ленин, в ранней юности казнь своего брата от рук императорских палачей, мы, вероятно, могли бы увидеть его во главе Красной России. В то время как Ленин, воспитанный в прусской кадетской школе, вероятно, стал бы Сверх-Людендорфом. То, что разделяет эти обе родственные натуры, это их умственный уровень. Ограниченность Ленина кажется героически-сознательной, ограниченность Людендорфа наивно-бессознательной. Ленин не просто вождь, руководитель, он также интеллектуальный, духовный человек; так сказать, одухотворенный Людендорф.

Ту же самую параллель можно провести между двумя другими представителями крайне левых и крайне правых: Фридрихом Адлером и графом Арко. Оба были убийцами из идеализма, мучениками за свои убеждения. Если бы Адлер вырос в милитаристско-реакционной среде немецкого родового дворянства, а Арко в социалистическо-революционной среде австрийской аристократии духа, то могло бы, вероятно, случиться так, что пуля Арко досталась бы премьер-министру Штюргку, а пуля Адлера – премьер-министру Эйснеру. Потому что они тоже братья, разделенные различием привитых образованием предубеждений, но связанные единством героически-бескорыстного характера. Также здесь различие лежит в умственном уровне (Адлер – это человек духа), а не в чистоте помыслов. Тот, кто хвалит характер одного, не может принижать другого – как это ежедневно происходит с обеих сторон.

Там, где есть увеличенная жизненная сила, там есть будущее. Лучшая часть крестьянства, поместное дворянство (насколько оно сохранило свое здоровье), собрало и накопило в тысячелетнем симбиозе с живой и дарующей жизнь природой богатство жизненных сил. Если современному воспитанию удастся преобразовать часть этих увеличенных жизненных энергий в духовное, тогда, вероятно, дворянство прошлого могло бы принять решающее участие в создании аристократии будущего.

10. Еврейство и аристократия будущего

Главный носитель как испорченного, так и безупречного дворянства интеллекта: капитализма, журналистики и литераторства, это евреи. Превосходство их духа предопределяет их к роли основного фактора будущей аристократии.

Взгляд в историю еврейского народа объясняет его превосходство в борьбе за руководство человечеством. Два тысячелетия назад еврейство было религиозной общиной, состоящей из этически-религиозно предрасположенных индивидуумов всех наций античного культурного пространства, с национально-еврейским центром в Палестине. Тогда уже общим, связывающим и первостепенным была не нация, а религия. В течение первого тысячелетия нашей эры в эту религиозную общину вступали прозелиты из всех народов, последними из них были царь (каган), аристократия и народ монгольских (тюркских – прим. перев.) хазар, властителей Южной России. Только после этого еврейская религиозная община объединилась в искусственную народную общность и отгородилась от всех остальных народов.

Невыразимыми преследованиями христианская Европа пытается на протяжении тысячелетия искоренить еврейский народ. Успех состоял в том, что все евреи, которые были слабовольными, бессовестными, оппортунистами или скептиками, позволили себя крестить, чтобы с помощью крещения избежать мучений бесконечного преследования. С другой стороны, из-за этих очень тяжелых условий жизни погибли все евреи, которые не были достаточно умными, ловкими, умелыми и изобретательными, чтобы выдержать борьбу за существование в этой самой суровой форме.

Так, наконец, из всех этих преследований возникла маленькая общность, закаленная геройски вынесенным мученичеством за идею и очищенная от всех слабовольных и бедных духом элементов. Вместо того чтобы уничтожить еврейство, оно против воли облагородило Европу этим процессом искусственного отбора и воспитало руководящую нацию будущего. Так что нет ничего удивительного в том, что этот народ, вырвавшийся из тюрьмы гетто, развивается в духовную аристократию Европы. Так благосклонное провидение в тот самый момент, когда феодальное дворянство пришло в упадок, через еврейскую эмансипацию подарило Европе новую аристократическую расу милостью духа.

Первым типичным представителем этой возникающей аристократии будущего был революционный благородный еврей Лассаль, который в высшей степени соединял в себе красоту тела с великодушием характера и остротой духа: аристократ в наивысшем и самом истинном значении этого слова, он был прирожденным вождем и путеводной звездой своего времени.

Не еврейство – это новая аристократия; а еврейство – это лоно, из которого выйдет новая, духовная аристократия Европы. Возникает духовно-городская раса господ: идеалисты, умные и чувствительные, справедливые и верные своим убеждениям, смелые как феодальное дворянство в его лучшие дни, которые с радостью принимают смерть и преследование, ненависть и презрение, чтобы сделать человечество более нравственным, более духовным, более счастливым.

Еврейские герои и мученики восточноевропейской и центральноевропейской революции в мужестве, выносливости и идеализме ни в чем не уступают не-еврейским героям мировой войны – в то время как они во много раз превосходят их в духе. Сущность этих мужчин и женщин, которые пытаются освободить и возродить человечество, – это своеобразный синтез религиозных и политических элементов: героического мученичества и интеллектуальной пропаганды, революционной энергии и социальной любви, справедливости и сочувствия. Эти основные черты, которые сделали их когда-то создателями христианского всемирного движения, ставят их сегодня на вершину социалистического движения.

С этими обеими попытками освобождения духовно-нравственного происхождения еврейство одарило обездоленные массы Европы богаче, чем какой-либо другой народ. Так же, как современное еврейство своей долей выдающихся людей значительно превосходит все остальные народы: едва ли через одно столетие после своей эмансипации этот маленький народ сегодня с Эйнштейном стоит во главе современной науки; с Малером во главе современной музыки; с Бергсоном во главе современной философии; с Троцким во главе современной политики. Выдающимся положением, которое еврейство занимает сегодня, оно обязано только своему умственному, духовному превосходству, которое дает ему возможность побеждать в духовном соревновании обладающих огромным перевесом привилегированных, злобных, завистливых соперников.

Современный антисемитизм – это одно из многочисленных проявлений реакции посредственного против выдающегося; это современная форма остракизма, примененного против целого народа. Как народ еврейство испытывает вечную борьбу количества против качества, неполноценных групп против более ценных индивидуумов, неполноценного большинства против более ценных меньшинств.

Основные корни антисемитизма – это ограниченность и зависть: ограниченность в религиозном или в научном; зависть в духовном или в экономическом.

Вследствие того, что они произошли из международной религиозной общины, не из какой-то локальной расы, евреи – это народ самой сильной смеси кро-

вей; вследствие того, что они на протяжении последнего тысячелетия отгораживаются от остальных народов, они – народ наиболее сильно выраженного инцеста. Таким образом, как и у высшей знати, избранные среди них объединяют силу воли с пронизательностью, в то время как другая часть евреев связывает недостатки инцеста с недостатками смешивания кровей: бесхарактерность с ограниченностью. Здесь самое святое самопожертвование встречается наряду с самым ограниченным эгоизмом, самый чистый идеализм оказывается рядом с самым грубым материализмом. Также здесь подтверждается правило: чем более смешан народ, тем более непохожи его представители друг на друга, тем более невозможно создать некий общий, единый тип.

Где самый сильный свет, там и больше всего тени. Гениальные семьи демонстрируют более высокую процентную долю сумасшедших и преступников, чем посредственные; это справедливо также и для народов. Не только завтрашняя революционная духовная аристократия – также сегодняшняя плутократическая какистократия спекулянтов формируется главным образом из евреев: и тем самым оттачивает агитаторское оружие антисемитизма.

Тысячелетнее рабство отобрало у еврея, за редкими исключениями, жесты и манеры властителя, господина. Длительное угнетение тормозит развитие личности: и вместе с тем лишает одного из основных элементов эстетического аристократического идеала. От этого недостатка страдает, как физически, так и психически, большая часть еврейства; этот недостаток – главная причина того, что европейский инстинкт противится признанию еврейства как аристократической расы.

Затаенная обида, которой угнетение обременило еврейство, дает ему большое живительное напряжение; взамен этого она отбирает у него много благородной гармонии. Последствиями преувеличенного инцеста, связанного с гипергородской жизнью прошлого в гетто, стали некоторые черты физической и психической деградации. То, что приобретала голова евреев, часто теряло их тело; то, что выигрывал их мозг, теряла их нервная система.

Таким образом, еврейство страдает от гипертрофии мозга и из-за этого оказывается в противоречии к аристократическому требованию гармоничного развития личности. Физическая и нервная слабость многих замечательных в духовном плане евреев демонстрирует их недостаток физического мужества (часто в сочетании с самым высоким моральным мужеством) и неуверенность поведения и манеры держать себя: качества, которые еще сегодня кажутся несовместимыми с благородным идеалом аристократа.

Так евреи, духовный народ господ, должен страдать от черт человека-раба, которые наложили свой отпечаток на его историческое развитие: еще сегодня

многие еврейские ведущие личности сохраняют манеры и жесты несвободного, угнетенного человека. В своих жестах и манерах опустившиеся аристократы часто выглядят более благородно, чем выдающиеся евреи.

Эти недостатки еврейства, возникшие из-за развития, снова исчезнут в результате развития. Рустикализация еврейства (приобщение евреев к сельскохозяйственному труду и деревенской жизни – основная цель сионизма), связанная со спортивным воспитанием, освободит еврейство от пережитков гетто, которые оно все еще носит в себе сегодня. То, что это возможно, доказывает развитие американского еврейства. За фактической свободой и властью, которой добилось еврейство, последует их осознание, за этим осознанием постепенно последуют манеры и жесты свободного, сильного человека.

Не только еврейство изменится в направлении западного аристократического идеала – также западный аристократический идеал пройдет через изменения, которые встретят еврейство на полпути. В более мирной Европе будущего аристократия откажется от своего воинственного характера и сменит его на духовно-священнический. Пацифизированный и социализированный Запад больше не будет нуждаться в каких-либо повелителях и властителях – только в руководителях, воспитателях, примерах, и аристократ будущего в такой восточной (ближневосточной по духу – прим. перев.) Европе будет больше похож на брахмана и мандарина, чем на рыцаря.

Перспектива

Аристократ будущего не будет ни феодалом, ни евреем, ни буржуазным, ни пролетарским: он будет синтетическим. Расы и классы в их сегодняшнем понимании исчезнут, личности останутся.

Только благодаря связи с лучшей буржуазной кровью способные к развитию элементы бывшего феодального дворянства смогут добиться нового процветания, став новой элитой; только путем объединения с вершинами нееврейского населения Европы еврейский элемент аристократии будущего придет к полному развитию. Пусть же избранному человеку будущего физически высоко развитое деревенское дворянство подарит совершенные тела и жесты, а высокообразованная в духовном плане городская аристократия подарит ему одухотворенные физиономии, одушевленные глаза и руки.

Аристократия прошлого была построена на количестве: феодальная на числе предков; плутократическая на числе миллионов. Аристократия будущего будет основываться на качестве: на личной ценности, личном совершенстве; на совершенстве тела, души, духа.

Сегодня, на пороге новой эпохи, на место прежнего наследственного дворянства приходит случайное дворянство; вместо благородных рас – благородные

индивидуумы: люди, случайный состав крови которых возвышает их к образцовым типам.

Из этого сегодняшнего случайного дворянства возникнет завтрашняя новая международная и межсоциальная аристократическая раса. Все замечательное в красоте, силе, энергии и духе узнает друг друга и объединится, согласно тайным законам эротического влечения. Как только падут искусственные барьеры, которые соорудили между людьми феодализм и капитализм, тогда самые красивые женщины автоматически будут доставаться самым значительным мужчинам, а наиболее выдающимся женщинам достанутся самые совершенные мужчины. Чем более совершенным тогда в физическом, психическом, умственном и духовном отношении будет мужчина, тем больше будет количество женщин, из которых он сможет выбирать. Только самым благородным мужчинам будет дозволена связь с самыми благородными женщинами и, наоборот, – неполноценные должны будут довольствоваться неполноценными. Тогда эротическим образом жизни неполноценных и посредственных людей будет свободная любовь, а избранных – свободный брак. Так новая выведенная путем селекции аристократия будущего возникнет не из искусственных норм образования человеческих каст, а из божественных законов эротической евгеники.

Естественная иерархия человеческого совершенства займет место искусственной иерархии феодализма и капитализма.

Социализм, который начал с ликвидации дворянства, с нивелирования человечества, достигнет своего апогея в селекции аристократии, в дифференциации человечества. Здесь, в социальной евгенике, лежит его наивысшая историческая миссия, которую он сам сегодня еще не осознает: привести из несправедливого неравенства через равенство к справедливому неравенству, через руины всей псевдоаристократии к настоящей, новой аристократии.

Памяти моего отца

доктора графа Генриха Куденхове-Калерги

с уважением и благодарностью.

Слова о демократической истории:

«Сегодня демократия – фасад плутократии: так как народы не потерпели бы открытую плутократию [неприкрытый капитализм], то номинальная власть предоставлена им, в то время как фактическая власть пребывает в руках плутократов. Как в республиканской, так и в монархической демократии государственные деятели – это марионетки, а капиталисты – кукловоды: они диктуют

директивы политики, они благодаря подкупу общественного мнения владеют избирателями, благодаря коммерческим и общественным связям они владеют министрами».

Рихард Н. Куденхове-Калерги, «Аристократия» (1922), страница 31.

Рихард Николаус Куденхове-Калерги (1894-1972) – выдающийся австрийский философ, писатель, политик, основатель Панъевропейского союза.

Первая Европейская премия имени Карла Великого города Ахена была в 1950 году вручена автору этой книги (еще до Уинстона Черчилля). Когда позднее в 1955 году этой премии имени Карла Великого был удостоен Уинстон Черчилль, Рихард Н. Куденхове-Калерги получил за свои особые заслуги перед ФРГ Большой крест ордена «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия», т.е. наивысшую государственную награду ФРГ.

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).